

УДК 82.09

КРЫМ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ БОРИСА ЧИЧИБАБИНА

Остапенко Ирина Владимировна,

доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

(г. Симферополь, Республика Крым, Россия).

Тел.: +7 978 745981, e-mail: i_ostapenko@mail.ru

В статье проанализирован авторский вариант Крымского текста в поэзии Бориса Чичибабина, презентованный тремя десятками стихотворений, непосредственно включающих крымские реалии. Крымский текст выявлен на уровне поэтики, в то же время тесно связан с эмпирическим опытом автора. Стихотворения с крымскими реалиями всегда связаны у Б. Чичибабина с фактами пребывания поэта в Крыму, отражают его культурно- и социологическую позицию.

Ключевые слова. *Борис Чичибабин, поэзия, Крым, Крымский текст, крымский миф, путешествие, паломничество.*

Борис Алексеевич Чичибабина (1923-1994) – русскоязычный поэт Украины, жизнь которого, за исключением пяти лет сталинских лагерей – с 1946 по 1951, прошла в Харькове. Не сменив места жительства на Москву, что было возможно в 1972 году, перед исключением поэта из Союза писателей, Б. Чичибабин выбрал сам свою дальнейшую человеческую и писательскую судьбу – работал бухгалтером в трамвайном управлении под фамилией Полушин и писал стихи, которые слышали и читали лишь близкие друзья, поскольку в течение двадцати лет его стихотворения не печатали. Но именно в эти годы, без малейшей надежды на публикацию, поэт создал свои лучшие произведения, которые пришли к читателю в последние годы жизни автора – с 1987

издано пять книг, последнюю из которых он сам собрал и подготовил к печати, выйдет она в 1995, с названием – «И все-таки я был поэтом».

Среди факторов, формировавших авторское сознание, актуальных в рамках тематической конференции встречи под названием «Пилигримы Крыма», выделяется органическая включенность поэта в широкое культурологическое, социологическое и географическое пространство его родины под названием Советский Союз. Б. Чичибабин, в силу разных обстоятельств, побывал практически во всех союзных республиках, в различных регионах страны, куда «приезжал к себе домой / в ее конец любой». В его поэтическом наследии насчитывается около тридцати стихотворений, посвященных непосредственно городам, в которые он приезжал, с конкретными географическими названиями – «Галлин», «Псков», «Львов», и множество текстов, где реальные топонимы занимают внутритекстовую позицию – «Путешествие к Гоголю» («Полтава»), «С Украиной в крови я живу на земле Украины» («Киев», «Чернигов», «Москва») и мн. др. Реальные поездки и творческая манера письма по воспоминанию сформировали в художественном мире автора устойчивый лейтмотив «путешествия», в парадигме которого выделяется мотив «паломничества». Последний, на наш взгляд, реализован в крымских стихотворениях Бориса Чичибабина, формирующих Крымский текст поэта, если следовать дефиниции, предложенной проф. С.О. Курьяновым – «Когда в произведении, так или иначе характеризующем Крым, крымские реалии начинают переплетаться с извечными человеческими ценностями, отраженными в художественном произведении в соответствии с потребностями эпохи, метода, стиля или своеобразной литературной моды, рождается Крымский текст» [1, с. 67]. Добавим, в авторской интерпретации крымских реалий, обусловленной спецификой индивидуальной картины мира автора в корреляции с его собственной ценностной парадигмой. Полагаем, в творческом наследии Бориса Чичибабина отчетливо выделяется авторский вариант Крымского текста, презентованный тремя десятками стихотворений, непосредственно включающих крымские реалии. Крымский текст, опять же ссылаясь на концепцию С.О. Курьянова, вырастает из Крымского мифа в его шести инвариантах - «христианского», «восточного», «райского», «античного», «военного» и «курортного». В случае Б. Чичибабина, дифференцировать инварианты Крымского мифа достаточно сложно, поскольку они тесно переплетены в пределах даже одного текста, но можно согласиться с исследователем в том, что поэт «опирается на культурную память, зафиксированную прежде всего в литературных источниках», но, добавим, не только в художественных.

Что увидел Б. Чичибабин в Крыму и как это отразилось в его художественном мире, почему Крым стал наиболее посещаемым местом для поэта и зачем были нужны ему эти поездки, кроме понятного желания погреться под крымским солнцем, постараемся понять, читая его стихотворения.

Впервые Б. Чичибабин приехал в Крым в подростковом возрасте еще до войны. Вместе с кружком авиа- и фотолюбителей он отдыхал в Евпатории. Никаких свидетельств этой поездки в стихах поэта нет, как не встретится в них позже и топоним Евпатория, несмотря на ее богатое культурологическое прошлое и уютное настоящее. Поэтическая оптика еще не сформировалась, хотя начал писать стихи автор с девяти лет.

Первая же поездка во взрослом возрасте приходится на 1961 год. Б. Чичибабин приехал в Крым на отдых с другом ранней осенью. Знакомство с Крымом, как и полагается, начинается для поэта с Ялты – «Об этой Ялте с давних пор / немало наврано. / Она раскинулась у гор / и дышит лаврами» [2, с. 20]. Ей посвящено одноименное стихотворение, первая часть которого представляется романтическим гимном южной природе, в первую очередь – морю – «моря синь» «соленой пылью моросит, / валами рушится», стилистика которого выдает гостя – «моросить» может дождь в Харькове, на юге – это морской бриз, автор пока еще не сформировал собственный поэтический язык, на котором он будет общаться с Крымом. Весь текст построен на романтической поэтике. Здесь и двоемирие – «Я с Севера, устав, как вол, / добра не чаючи, / пришел послушать рокот волн / и крики чаечьи», и субъектный синкретизм – «Я – ночь, я – берег, я – волна, / я – дух над шабашем», и полагающаяся метафизика – «Душа лишь вечности верна / в молчаньи набожном». Можно было бы предположить здесь курортный инвариант Крымского мифа, если бы не столь точное и детальное описание городской природы и быта. Кроме того, курортные реалии перебиваются «домиком Чехова», историко-литературным памятником, куда не каждый отдыхающий доходит. Лирический субъект крымский миф сверяет с реальным топосом и остается им весьма доволен – «мои глаза ... не налюбуются на Крым, / на море Черное».

Поскольку Б. Чичибабин отдыхал в «Ялте» «дикарем», он не был ограничен в передвижении и выборе экскурсионных объектов. По еще одному тексту – «Крымские прогулки» [2, с. 12], написанному после этой поездки, понятно, что поэт побывал в Ливадии и Алупке – но не эти историко-культурные заповедники стали предметом поэтической рефлексии. Одна из устойчивых особенностей художественного метода Б. Чичибабина – поэтика открытых названий. Предлагаемому офи-

циальному крымскому мифу он предпочел историческую правду – «Думал о Крыме: чей ты, / кровью чужой разбавленный? / Чьи у тебя мечети, / прозвища и развалины? / Проверить хотелось версийки / приехавшему с Руси: / чей виноград и персики в этих краях росли?» [2, с. 14]. О депортации крымских татар в 1961 году не то, чтобы не принято было говорить, это была запретная тема, и требовалось определенное мужество для обращения к ней. Понятно, что текст с откровенными инвективами – «Колонизаторам – крышка!» – не мог быть опубликован, хотя с 1963 по 1968 годы будут изданы четыре книги стихов с известными цензурными чистками, он читался автором в узком кругу и передавался в рукописном варианте, впервые будет напечатан в книге «Колокол» в 1987 году. Судьба крымскотатарского народа для поэта, имевшего к тому времени личный опыт корреляции с государственной системой, стала болевой точкой, откликающейся на трагедии и других народов-изгоев – евреев, армян – «я всем гонимым друг и брат». Показательным в этом тексте представляется процесс формирования одного из ведущих мотивов художественного мира поэта – личной вины за коллективные действия, за преступную политику государства в отношении своего народа. Если в начале текста – «Перед землей крымской / совесть моя чиста... / Я никого не грабил, я ничего не жег», то далее перволичный лирический субъект сливается с коллективным «мы» – «их нищета назойливо / наши глаза мозолила» и берет ответственность на себя. Оттого и реакция получает сугубо человеческую эмоциональную окраску – «Стало их горе солоно. / Брали их целыми селами, сколько в вагон поместится. / Шел эшелон по месяцу. / Девочки там зачали, / ни очага, ни сакли. / Родина оптом, так сказать, / отнята и подарена, / и на земле татарской / ни одного татарина». Крымские реалии здесь поданы через минус-прием, что поэт дефинирует как – «У меня не политика. / У меня этнография».

В 1966 году уже в Харькове Б. Чичибабин встретится с крымскотатарским поэтом Эшрефом Шемьи-заде и напишет стихотворение «Черное пятно» [2, с. 18], именно оно было широко известно в депортации. А в 1974 году после поездки в Судак появится еще один текст – «Судакские элегии» [2, с. 35], во второй части которого есть строчка «Как непристойно Крыму без татар». Примечательно, что когда уже в 1987 году, во времена так называемой «перестройки», поэт осуществит первую попытку публикации своих текстов, редакция «Нового мира» требует ее изменить – у стен Кремля крымские татары тогда требовали разрешения вернуться на родину. Б. Чичибабин на такие условия публикации не пойдет. Он останется верен своему пониманию и истории, и

этнографии, а главное, своей аксиологии – «Настой на снах в пустынном Судаке... / Мне с той землей не быть накоротке, она любима, но не богоданна. / Алчак-Кая, Солхат, Бахчисарай... / Я понял там, чем стал Господень рай / после изгнания Евы и Адама. // Как непристойно Крыму без татар. / Шашлычных углей лакомый угар, / заросших кладбищ надписи резные, / облезлый ослик, движущий арбу, / верблюжьест гор с кустами на горбу, / и все кругом – такая не Россия» [2, с. 35].

Итак, первая встреча Б. Чичибабина с Крымом актуализировала в его художественном мире социологические проблемы, решавшиеся поэтом в соответствии с его собственными представлениями о миропорядке и нравственности в корреляции с неофициальными взглядами на исторические процессы. Интерес к ним в дальнейшем творчестве будет перманентным. Но и восторг от непосредственной встречи с морем, горами, с богатой крымской природой не исчезнет из художественного мира автора, а наполнится новыми коннотациями.

Во вторую поездку в Крым в 1962 году и, видимо, еще в несколько до 1966 года Б. Чичибабин отправляется со своей женой Матильдой Якубовской – «Помню сердцем, вижу зримо, / даже в ссоре, даже в гневе, / как ты радовалась Крыму, / чайкам в море, солнцу в небе» [2, с. 17]. Судя по текстам, а другими данными не располагаем, поэт опять останавливается на южном берегу, посещает Севастополь и, возможно, Феодосию. После поездок появляется вторая часть стихотворения «Ялта» (1962), «Женщина у моря» из цикла «Сонеты к картинкам» (1960-е), «Севастополь» (1962-1963), «Города Александра Грина» (1965), «Есть поселок в Крыму. Называется он Качивели». Кроме последнего, в названных стихотворениях поэт скорее описателен, нежели лиричен, социологичен, нежели поэтичен. Поскольку, как уже отмечалось, автор пишет по воспоминанию, Крым предстает местом физического и душевного отдыха в оппозиции к серым будням, «бездне дел», «обиде стойкой». Кроме того, первое знакомство с Севастополем и Гринландией способствуют мифологизации и города, и писателя. К Грину Б. Чичибабин еще вернется и создаст его многомерный художественный облик в стихотворении «Памяти Грина» (1975).

Стихотворение «Есть поселок в Крыму. Называется он Качивели» [2, с. 26] выделяется из ряда написанных в этот период. Здесь на первый план выступает собственно эстетический уровень текста. Элегический модус позволяет связать личную драму автора (приближающийся разрыв с женой), осложнение социально-политической ситуации в стране (конец «оттепели»), профессиональные перипетии (закрывают студию, которой руководил поэт в Харькове, возникают пробле-

мы с публикацией) и Крымский миф, сформированный уже на тот период в авторском сознании. В данном стихотворении поэт впервые ощутил и выразил космический масштаб Крыма, возможно, им самим еще до конца не осмысленный – «Бесшабашное солнце плыло в галактических высях / над просоленной галькой – обломьшем древних пород... / Я от кривды устал, я от горнего голода высох, / не смеются глаза, и улыбкой не красится рот». Здесь впервые природные реалии наполняются концептуальным смыслом – именно они через свою семантику и символику завершают художественное целое – «Там шершава трава и неслыханно кисел кизил».

После 1968 года в Крым, как и в любое другое место, Б. Чичибабин будет приезжать со своим верным другом и новой женой Лилей. Она, сама заядлая путешественница, откроет для него Восточный Крым, Бахчисарай, Херсонес, по-новому посмотрит поэт и на Южный берег. В 1974 году они приедут в Судак, а оттуда с экскурсией в попадут в Коктебель. Здесь произойдет первая встреча Б. Чичибабина с Максимилианом Волошиным. О ней расскажет поэт во второй части «Судакских элегий» - «Буддийский поп, украинский паньч, / в Москве француз, во Франции москвич, / на стержне жизни мастер на все руки, / он свил гнездо в трагическом Крыму, / чтоб днем и ночью сердце рвал ему / стоперстый вопль окаменелой муки» [2, с. 35]. М. Волошин задаст поэту и новую историософскую и геополитическую оптику в восприятии Крыма – «Я проходил по выжженным степям / и припадал к возвышенным стопам / кремнистых чудищ, див кудлатоспинных. / Везде, как воздух, чудился Восток - пастух без стада, светел и жесток, / одетый в рвань, но с посохом в рубинах. // Который раз, не ведая зачем, / я поднимался лесом на Перчем, / где прах мечей в скупые недра вложен, / где с высоты Георгия монах / смотрел на горы в складках и тенях, / что рисовал Максимилян Волошин» [2, с. 36]. Космический масштаб Крыма постепенно обретает в художественном мире Б. Чичибабина метафизическое измерение. Начало этому процессу положено посещением могилы М. Волошина – «Художник, пророк и бродяга, / незримой земли властелин, / у вскинутых скал Карадага / со всеми свой рай разделил» [2, с. 44]. Пройдет еще десять лет, будет еще несколько поездок в Крым, а в 1984 году Крым откроется поэту во всей своей сакральной сущности – «Ежевечерне я в своей молитве / вверяю Богу душу и не знаю, / проснусь с утра или ее на лифте / опустят в ад или поднимут к раю... // Все вглубь и ввысь! А не дойду до цели – / на то и жизнь, на то и воля Божья. / Мне это все открылось в Коктебеле / под шорох волн у черного подножья» [2, с. 60].

Путешествия Б. Чичибабина по Крыму постепенно превратились в паломничество в «землю обетованную». Крым стал для него духовной родиной, здесь поэт получил свое откровение, здесь произошла встреча поэта с Богом, в художественной форме запечатленная в «Коктебельской оде» [2, с. 62]. Происходит эта встреча в конкретных крымских пространственных координатах – на горе «Кучук-Енишары», на могиле М. Волошина, где открывается вид на Карадаг, где линия горизонта настолько отдалена, что море сливается с небом, а долина расцвечена маками – «Киммерия, алая от маков в бесконечность синюю плывет». Тексту поэт дает жанровое определение – «оды», но уже с первой строчки заявлена его молитвенность – «Никогда я Богу не молился / так легко, так полно, как теперь». Обратим внимание, в начале текста дана не собственно молитва, а лишь состояние лирического субъекта, а «Бог» выступает в роли дистанцированного адресата в третьем лице. Постепенно в лирический сюжет вводится образ Волошина в роли медиатора между перволичным лирическим субъектом и «Богом» - «Образ Божий – творческий и добрый, / в серой блузе, с рыжей бородой, / каждый день он с посохом и торбой / карадагской шествует грядой...». В финале текста звучит сама молитва, где лирический субъект преодолевает свою разделенность с Богом через единение в себе трех земных стихий «земли», «воды» и «воздуха», что стало возможным именно в Крыму, и собственным устремлением-«огнем» обращается к Высшему Абсолюту с молитвенным «Ты» - «Боже мой Любви и Воскрешенья, / Боже Света, Боже Тишины! // Как Тебя люблю я в Коктебеле, / как легко дышать моей любви, — / Боже мой, таймый с колыбели, / на земле покинутый людьми! // Но земля кончается у моря, / и на ней, ликуя и любя, / глуби вод и выси неба вторя, / бесконечно верую в Тебя» [2, с. 64].

Это состояние, пережитое в Крыму и запечатленное в художественном произведении, всегда будет сопровождать поэта и в жизни, и в стихах. Кроме «Коктебельской оды» по воспоминаниям о поездке в Коктебель будет написано еще восемь стихотворений. Каждый год поэт будет приезжать в Крым. Именно здесь, в Алупке, он получит сообщение о публикации после двадцати лет изоляции его стихотворений в журнале. Он станет желанным гостем в Доме Поэта, будет приглашен на Чеховский фестиваль в Ялту и Пушкинский праздник в Гурзуф. Когда в стране начнутся тектонические сдвиги, опорой ему будет все тот же Крым и Волошин – «Есть в Крыму Коктебель, в Коктебеле – Волошинский дом, / и опять, как теперь, мы к нему на веранду придем». Максимилиан Волошин до конца дней останется духовным ори-

ентиром – «Да будет нам щитом / душевная отвага / отшельника, чей дом / стоит у Карадага» [2, с. 69].

Создал ли Борис Чичибабин свой Крымский миф? Наверное, если считать поэтический труд мифотворчеством. Но в заданную инвариантную парадигму он вписывается с трудом. Зато в художественном наследии поэта отчетливо выделяется Крымский текст. Его материализация состоялась в книге, изданной профессором В.П. Казариным в 2013 году к 90-летию поэта. В составлении ее принимала участие Лиля Семеновна, жена автора, она же написала к ней вступительную статью, из которой можно узнать много подробностей пребывания Б. Чичибабина в Крыму. Название «Перед землею крымской совесть моя чиста» взято составителями из стихотворения «Крымские прогулки».

Список литературы

1. Курьянов С.О. Крымский текст в русской литературе: генезис, структура, функционирование / Дис... докт. филол. наук : 10.01.02 / С. О. Курьянов ; Таврический национальный ун-т им. В. И. Вернадского. – Симферополь : [б. и.], 2014. – 475 с.

2. Чичибабин Б.А. «Перед землею крымской совесть моя чиста...»: Книга стихов и прозы / Предисл. Л.С. Карась-Чичибабиной. Редактор и составитель И.В. Остапенко. Комментарии И.В. Остапенко, Л.С. Карась-Чичибабиной, В.П. Казарина. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2013. – 132 с.

CRIMEA IN THE ARTISTIC PERCEPTION OF BORIS CHICHIBABIN

Ostapenko Irina Vladimirovna,

*Doctor of Philology, Professor of Russian and foreign literature at Tavrida Academy
FSAEI "Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky"
(Simferopol, Republic of Crimea, Russia).*

Tel.: +7 978 745981, e-mail: i_ostapenko@mail.ru

The article analyzes the author's version of the Crimean text in the poetry of Boris Chichibabin, presented by three dozen poems, including directly the Crimean realities. Crimean text is identified at the level of poetics, at the same time it is closely connected with the empirical experience of the author. Poems with the Crimean realities are always associated with the facts of the poet's staying in the Crimea, reflect his cultural and sociological position.

Key words. *Boris Chichibabin, poetry, Crimea, Crimean text, Crimean myth, travelling, pilgrimage.*

References

3. Kurianov S.O. Krimskiy tekst v russkoi literature: genesis, structura, funkcionirovanie [Crimean text in Russian literature: genesis, structure, functioning] / Dis... dokt. filol. nauk : 10.01.02 / S. O. Kurianov ; Tavricheskiy natsionalniy yn-t im. V.I. Vernadskogo. – Simpheropol : [b. i.], 2014. – 475 p.

4. Chichibabin B.A. «Pered zemleyu krymskoi sovest moya chista...»: Kniga stikhov i prozy [“With the Crimean land my conscience is clear...” / Predisl. L.S. Karas-Chichibabinoi. Redaktor i sostavitel I.V. Ostapenko. Kommentarii I.V. Ostapenko, L.S. Karas-Chichibabinoi, V.P. Kazarina. – Simpheropol : IT «ARIAL», 2013. – 132 p.

